

Галина Леонидовна
Де-Рибас

***На семи
ветрах...***

Одесса-2015

Это название я позаимствовала у фильма о Великой Отечественной войне известного режиссера и сценариста Станислава Ростоцкого. Фильм о доме на окраине небольшого городка и его обитателях. По мере приближения фронта этот приют «на семи ветрах» становился то редакцией фронтовой газеты, то госпиталем, а затем оказался в самой гуще боев. Дом – один из персонажей фильма. Он стал пристанищем для многих людей, приходивших и покидавших его. И каждый раз, когда люди уходили, дом как будто сиротел, терял что-то важное. Сходство судеб приюта «на семи ветрах» из фильма и нашего дома, думаю, послужит оправданием моего заимствования.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приближается очередная, (сейчас 71-я) годовщина освобождения Одессы и 70-я окончания войны. С каждым годом из памяти стираются одно за другим события послевоенной мирной жизни. А вот годы моего раннего детства, в оккупации и после освобождения Одессы, высвечиваются все ярче. Вероятно обстановка страха и неуверенности в завтрашнем дне, в которой мы жили, обострила восприятие окружающего мира. Я до мельчайших подробностей помню все, что происходило со мной и моей семьей, помню рассказы близких о событиях той войны. Хочу рассказать некоторые военные истории. О них еще много лет после войны напоминали мне оставшиеся в живых участники тех событий. Но сначала о самом доме.

ИСТОРИЯ ДОМА

Наш дом по адресу улица Крайняя 3, относившийся формально к Дальним Мельницам, на самом деле стоял в центре пустыря, размерами, примерно 0,5 x 1 км, который располагался между Дачей Дашкевича и Дальними Мельницами и все называли его по-старинке «Дача Брахмана». В ранней Одессе там действительно была дача, входившая в степной дачный массив, который простирался по окраине Одессы вдоль Водяной Балки. Там были дачи Ришелье (Дюковский сад), Разумовского, Савицкого, Дашкевича, Брахмана, Барона и др.

На карте-плане Одессы, изданной в 1882 году, «Дача Брахмана» принадлежала известному садоводу Генриху Штапельбергу (см. карту), а в начале XX века этой землей владел уже Одесский Купеческий Банк.

Купцы крепко похозяйничали, протянули две тупиковые железнодорожные ветки и построили склады. Вплоть до революции велась бурная деятельность по приему и отправке различных товаров. От сада осталось десятка два деревьев. В революцию содержимое складов разграбили, а строения разобрали по камешку местные жители. Свою лепту в образование развалки внесли и кладоискатели. Копали землю и искали вхо-

ды в подземные хранилища несметных купеческих богатств, устойчивые слухи о которых будоражили воображение нескольких поколений местных жителей. На пустыре остался только один полуразрушенный дом, скорее всего бывшее конторское помещение, и две насыпи от железнодорожных веток. Одна высокая, как мы называли, «Большая горка», подходила почти к самому дому. Другая низкая «Малая горка» отделяла пустырь от Дальних Мельниц и доходила до конца пустыря. Сюда в 1919 году перебрался мой дед с семьей, после того, как их дом в Чубаевке (ныне район Адмиральского проспекта), был разрушен снарядом. Позже заселились еще две семьи, подремонтировав оставшуюся свободной половину дома. В 30-е годы пустырь поделили на участки и раздали под огороды жителям Дачи Дашкевича и Дальних Мельниц.

К началу войны местность выглядела так: посреди безбрежного океана огородной зелени, в основном кукурузы, наш дом, как белоснежный корабль (побеленные стены) под алыми парусами (ярко красная черепица на крыше). С юга огороды ограничивала насыпь железнодорожной ветки, идущей к станции «Товарная» и далее к ж/д вокзалу. На востоке был ров Водяной балки. На западе водоразделом служила «Малая горка», а на севере огороды вплотную подходи-

ли к ограде дворов детских яслей и детсада завода «Профинтерн» (позже «Запчасть»), фасадами выходивших на улицу Ударников (сейчас – А.Желябова), где еще не так давно проходил маршрут трамвая № 11.

Дом хорошо был виден как из вагона железнодорожного состава, так и с воздуха. Позже я в этом убедилась сама. Возвращаясь домой поездом или самолетом, я прежде всего высматривала наш дом и здоровалась с ним. Вот в этом тихом и отдаленном месте проживала моя семья: дед Федотов Петр Алексеевич, бабушка Ирина Дмитриевна, моя мама Анна, мамин младший брат Сережа, сестра Лида и я. Но война нашла нас и в этом тихом уголке. В силу своего географического положения наш дом оказался в гуще событий войны, наверное, в большей степени, чем любой другой дом в Одессе.

БОМБЕЖКИ

Не успев понять, что такое война, одесситы оказались в окружении. Начались бомбежки. После первых бомбежек все уже знали сигнал опасности. Это был характерный гул немецких бомбардировщиков. Первым этот гул улавливал наш песик Марсик. Когда он начинал лаять и метаться от дома к погребу, все поскорее заканчивали дела и подтягивались к погребу поближе. Он был глубокий и большой, (под половиной дома), со сводчатым потолком и толстыми стенами из известняка. А в двух стенах были тоннели арочной конструкции длиной более двух метров. Мы их называли «проминки». Вот в этих «проминках» мы сначала и отсиживались во время бомбежек. Совсем близко от нас была станция «Одесса-Товарная». Ее бомбили очень сильно. Часто мощные бомбы падали и вокруг нашего дома. Мы недоумевали: зачем бомбить одиноко стоящий в огородах дом? Наиболее правдоподобной версией остается та, что на немецких картах наш пустырь числился как подземные военные склады. После войны мы насчитали 17 глубоких воронок вокруг дома. От таких бомб погреб был плохой защитой. При прямом попадании все оказались бы погребенными под руинами дома. Поэтому уже в начале бомбежек решили делать второй

выход из погреба. К глухой стене дома примыкал цементный пол, очевидно, когда-то фундамент производственной машины, очень мощный. Разобрав часть стены в «проминке», дед, Сергей и два соседа прорыли из него щель под этот фундамент, а из щели вырыли наверх наклонный лаз, который выходил в сад далеко от погреба. При бомбежках все забивались в эту щель и надеялись на лучшее.

Примечательно, когда копали щель, под лопатой оказалась цементная полочка, ниже раскопали еще одну, как бы две ступеньки, уходящие вниз. Тогда вспомнили и другие признаки существования под пустырем подземелий или катакомб. Например, дворовой туалет не имел выгребной ямы, так как он, по крайней мере, с 1919 года, т.е. от заселения в этот дом нашей семьи, не наполнялся. Под ним, вероятно, были пустоты. Неразорвавшийся снаряд, угодивший в землю около туалета, после войны искали, чтобы обезвредить, но так и не нашли. Он в буквальном смысле провалился сквозь землю. Иногда после таяния снега весной у кого-нибудь на огороде обнаруживалась воронка, похожая на провал.

Порассуждав о том, что, может быть, ступеньки ведут в искомые мифические подземелья, все же решили закопать их до лучших времен. Лучшим временем Сергей счел следующую весну

1942 года. Он и такие же «умники» его друзья подростки начали тайно вести раскопки. За зиму лаз осыпался, а щель замыло землей. Когда начали расчищать щель, земля обвалилась и погребла ребят. Благо, один из них остался в погребке и поднял тревогу. Детей быстро откопали и «всыпали», как положено. После чего дед восстановил кладку стены «проминка», закрыв тему кладонискательства навсегда.

Когда линия обороны Одессы придвинулась вплотную к городу, характер бомбежек изменился. Немцы стали сбрасывать на огороды вокруг дома легкие осколочные бомбы, предназначенные для поражения живой силы. Они думали, наверное, что в кукурузе на огородах могут скрываться наши войска. Так что мы пережили бомбежки «по полной программе», иногда по несколько раз в сутки. Но пережили почти без потерь, не считая выбитых окон и разрушенного прямым попаданием сарая. Дом устоял. Видно какая-то неведомая сила отводила от нас беду.

ОДЕССКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Когда стало ясно, что Одессу придется оставить, в городе было проведено минирование важнейших объектов, заводов, фабрик. В их число попала и Джутовая фабрика, на которой

ткачихой работала моя бабушка, бригадиром наладчиков – мой дед и слесарем – мой отец вплоть до ухода на фронт. Когда фабрику заминировали, из работников была создана бригада, скажем так – подрывников. В их задачу входило организовать дежурство на пульте и при получении приказа на подрыв нажать кнопку. В эту бригаду входил и дед. На очередное дежурство его сменщик сильно опаздывал. Дед, как ответственный человек, остался на посту в ожидании. И, как говорят в Одессе, таки дождался! В помещение ворвались новые хозяева – румыны. Конечно, они догадались, для чего там сидел дед. Почему не расстреляли на месте? Потому, наверное, что оттуда, куда его отвели, путь все равно был только один – на тот свет.

В школе, что на углу Болгарской улицы и Высокого переуллка, был устроен самый настоящий концлагерь. Туда согнали мужчин, старше призывного возраста, т.е. не попавших на фронт, и подростков. Каждый день их гоняли разбирать баррикады и расчищать улицы от завалов разрушенных зданий. Но если в концлагерях как-то кормили, даже в Освенциме, говорят, давали 200 граммов хлеба в день, то здесь люди были предоставлены самим себе. Получить кусочек хлеба можно было только, если по дороге на работу сопровождающим колонну женщинам (видно там

были их близкие) удавалось прорваться сквозь охрану и передать еду. Причем, они рисковали, по меньшей мере, получить прикладом по голове. После дед рассказывал, что если в колонну попадала, например, буханка хлеба, то получивший ее отламывал себе кусочек и передавал дальше товарищам по несчастью. Несмотря ни на что, люди не теряли человеческий облик.

Тем временем бабушка, прождав два дня и не дождавшись деда, решила выяснить его судьбу. Она и Лида решили, прежде всего, сходить на фабрику, прихватив корзинку с едой. Надеялись, что деда просто задержали на работе. Отличительной особенностью работниц Джутовой было то, что они всегда ходили в красных косынках и бабушка, идя на фабрику, по привычке ее надела. Около фабрики они наткнулись на румынский патруль. Румын подскочил к бабушке, сорвал с головы косынку и начал топтать ногами. Потом со словами «коммунист» навел на нее прицел винтовки. Лида росла и играла с соседскими детьми-молдаванами, от которых научилась немного разговаривать по-молдавски. Она заслонила собой бабушку и попыталась объяснить, что не «коммунист», а работница фабрики. Румын, видно, понял. Он оттолкнул Лиду, заглянул в корзинку с едой и забрал ее у бабушки. Потом показал рукой «идите назад». Лида пыталась объяснить,

что им нужно на фабрику. Тогда румын снова навел на них винтовку. При таком убедительном доводе им пришлось повернуть назад, так ничего и не узнав.

Прошло еще несколько дней. Каждый в семье думал, что деда уже нет в живых, но все делали вид, что он скоро придет. А дед между тем быстро сдавал без еды и от холода. Он вообще был больным человеком, «белобилетчиком» т.е. невоеннообязанным из-за хронической болезни почек. А в школе пришлось спать на холодном полу. Через пару недель такой жизни дед понял, что завтра утром уже не встанет. Те, кто не мог подняться утром, исчезали. Румыны говорили, что их отправили в госпиталь, но все догадывались, что их просто расстреляли. Поэтому дед решил на побег. Надо сказать, что в первые дни пребывания в этом кошмаре совершить побег пытались многие, но их быстро отлавливали и расстреливали на глазах у остальных. Поэтому смельчаков не стало и побеги прекратились. Но дед подумал: «Какая разница, расстреляют меня сегодня днем или завтра утром!». И рискнул.

В этот день ему крупно повезло. Их отвели разбирать баррикады около оперного театра. Одесситы знают, что в Пале-Рояле и на улице Екатерининской были проходные дворы. Знал их и дед. В сумерках, улучив момент, он бочком,

бочком в подъезд и далее через проходные дворы убежал так далеко, где его, наверное, и не искали. До темноты дед отсиделся в развалинах дома на улице Гаванной. Потом задворками, перелезая через заборы и прячась в подворотнях от патрулей, к утру добрался домой и из последних сил постучал в дверь.

За прошедшие годы я читала много воспоминаний об обороне Одессы и оккупации, однако ни разу мне не попадались сведения об этом концлагере. Наверное, рассказать было некому. Возможно, ни один человек не выжил в тех чудовищных условиях. Это тем более вероятно, что по просьбе деда бабушка связалась с помощью записок в буханке хлеба с его двумя приятелями по несчастью, которые очень помогали ему выживать. Ей удалось даже получить их адреса. Однако ни после освобождения Одессы, ни после окончания войны по этим адресам никто не ответил.

В ОККУПАЦИИ

Скажу сразу, с немцами мне сталкиваться не приходилось. А вот с румынами у нас было неприятное соседство. В детских яслях и садике завода «Профинтерн», (позже завод «Запчасть»), фасадами выходящих на улицу Ударников, а дворами

на огороды, т.е. к нашему дому, располагалась румынская воинская часть. Огороды они использовали в качестве стрельбища. А между стрельбами занимались мародерством и вымогательством у жителей соседних дворов. Ходили по квартирам и забирали все, что им нравилось. А нравилось им у нас, как сорокам, все что блестело: пудреницы, портсигары, керамические статуэтки, например, слоники. А еще у нас и у соседей в первый же месяц отобрали и съели мелкую живность (кур и кроликов). Однажды нашу соседку тетю Женю, болгарку по национальности, с криками «жидан» вывели из квартиры и как бы повели в комендатуру. На увещевание соседей, что она «болгар» не реагировали. Пришлось дать деньги – леи, чтобы отпустили. Так повторялось несколько раз. Каждый раз приходили два других солдата, очевидно «по наводке». Один раз с криком «партизан» схватили моего деда. Пришлось бабушке доставать кошелек. Однако больше у них такой номер не вышел. В следующий их визит дома оказалась Лида и по-молдавски сказала им что-то такое, что больше у нас во дворе они не появлялись.

Но как исключение из правил были и положительные примеры. Со мной произошла следующая история. Каждое подразделение солдат имело свой участок для стрельбы, так что когда у них были стрельбы, все огородное поле было

утыкано деревянными мишенями, очертанием напоминавшими человека. Выходить со двора в такие часы было опасно. Могли подстрелить. Мне вообще категорически запрещалось высовывать нос из калитки. Приближался Новый 1943 год. Я все время надоедала бабушке: «Когда же придет Дед Мороз?». Незаметно для взрослых выскакивала во двор и выглядывала за калитку. И вот в одну из моих вылазок, наконец, я его увидела. Он стоял посреди заснеженного огорода недалеко от дома весь такой белый, очень симпатичный. Я радостно помчалась к нему, схватила, выдернула из земли и с криком «Бабушка, он пришел!» поспешила домой. Помню, когда бабушка увидела меня с мишенью в руках, она схватилась за сердце и не могла вымолвить ни слова. А когда во двор ворвался рассерженный румынский офицер и стал что-то кричать на своем языке, я поняла, что с «Дедом Морозом» вышла промашка и спряталась под столом.

Объясняться с офицером пришлось Лиде. В благодарность за то, что офицер дал команду прекратить стрельбу, чтобы меня не убить, бабушка пригласила его заходить греться в перерывах между стрельбами. Офицер заходил часто. Садился на кухне около теплой плиты и дремал. А на плече у него, прямо на погоне устраивался наш кот Мурчик. Наверное, офицер

был хорошим человеком, потому что к плохому наш Мурчик не пошел бы. Потом офицер перестал заходить. То ли стало тепло, то ли перевели куда-то.

Еще одна история. «При румынах» (так в обиходе одесситы называли время оккупации) мама работала бухгалтером на заводе «Запчасть», что по улице Ударников, а Лида тоже бухгалтером на соседнем заводе весов. Фактически через огороды эти заводы напротив нашего дома. С приходом оккупантов у завода весов появился хозяин-румын Денеску, который с женой домной Марией (так ее все называли) и сыном Тэтелом поселился на территории завода. Не помню, как случилось, (скорее всего, меня туда сначала приводила Лида), но потом я часто приходила на завод сама и играла с Тэтелом. Бывало, если я задерживалась, то Тэтел, несмотря на охрану завода и строгий запрет родителей, убегал через огороды к нашему дому и звал меня «Халька, Халька, иди!» А мой друг детства соседский мальчик Жора дразнил нас «жених и невеста» и обижался, что ему не с кем играть, если я уходила с Тэтелом.

Сохранилась фотография работников завода, в основном девушек и ребят подросткового возраста. Работа на оккупантов во многом давала им защиту от угона в Германию. В первом ряду на

фотографии сидит хозяин Денеску, рядом с ним слева домна Мария, а справа Лида. Впереди всех стоит Тэтел. Я хотела стать рядом с ним, но меня не пустили по приказу хозяина. И вот с трудом, но можно разглядеть, что я стою между вторым и третьим рядом рабочих справа у основания весов, размазывая слезы от горькой обиды. Таким же плачущим сфотографирован Тэтел. Возможно, еще кто-нибудь из одесситов узнает себя на этой фотографии.

Еще по поводу фотографии. Сначала о Денеску. По рассказам Лиды, он был плохим человеком. Поднимал руку на жену, о чем в слезах та жаловалась Лиде. Высокомерный, он работников завода «за людей не считал». Он деспотичен. Его все боятся и не любят. В то же время, со слов Лиды, он неоднократно заступался за своих подопечных и выручал их из различных неприятных ситуаций, связанных с румынами. Возможно, не хотел терять специалистов. Вырисовывается противоречивый портрет. Но по фотографии видно, что кроме нас с Тэтелом, все выглядят вполне довольными. И к тому же, я никогда не слышала, чтобы еще какой-либо хозяин-окупант фотографировался со своими рабочими. Наверное, при всех негативных проявлениях его личности, он все же был нормальным человеком. Ну а домна Мария была сама

доброта и отзывчивость. Остались ли они в живых после срочного отъезда-побега из Одессы в 1944 году, и что стало с их семьей после войны, неизвестно. Во всяком случае, весточки о себе домна Мария, когда это стало возможным уже после образования социалистического лагеря государств, так и не подала.

ЗА ДВА ДНЯ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОДЕССЫ И ПОСЛЕ

Когда отступающие немецкие части заняли Одессу, сменив бежавших румын, город притаился. Немцы, якобы, издали приказ, чтобы и днем и ночью были открыты ворота дворов, парадные в домах и даже двери квартир. Одесситам не нужно объяснять, что наш город был, есть и всегда будет чемпионом по скорости распространения слухов и созданию паники. Никто из наших знакомых приказа не видел, но говорили, что немцы будут ходить по дворам и расстреливать жителей, что будут угонять молодежь в Германию и минировать дома, чтобы сравнять Одессу с землей. Все это могло оказаться кошмарной правдой, если бы не стремительное наступление Красной Армии. Понятно, что после такой панической информации двери нашего дома были наглухо закрыты.

Вечером 8 апреля, когда стемнело, в наши двери тихо постучали. Все замерли на месте. А вдруг показалось? Постучали второй раз, настойчивее. В квартире началась паника: бабушка просила Сережу спрятаться под кровать, мама затолкала меня в шкаф. А больной дед спал в дальней комнате и ничего не слышал. Когда громко постучали в третий раз, женщины пошли открывать дверь, принимая удар на себя. Последовал разговор: «Кто там?», «Свои», «Кто свои?», «Красная Армия. Разведчики». Дверь открыли и в комнату вошли два обросших щетиной мужика в ватниках и со звездочками на ушанках. Объятия, поцелуи, слезы радости я уже видела своими глазами, выскочив из шкафа. Лида спросила стоявшего впереди, по виду командира: «Дяденька, как Вас зовут?». «Андрей». И тогда от полноты чувств Лида пообещала: «Будет сын – назову Вашим именем!». Бабушка бросилась к плите разогревать чай. Но разведчикам было не до чая. Они спешили выполнить боевое задание. Оказалось, небольшой конный отряд, ожидая наступления темноты, скрывался около нашего дома в Водяной балке и, попутно, вел наблюдение. Выяснив, что немцев в доме нет, они рискнули зайти, чтобы уточнить дорогу в село Нерубайское. Им повезло. Дорогу у нас знали все. За Нерубайским в селе Малая Фомина Балка жил старший брат бабушки дед

Иван. Этот путь по улице Балковской, под Пересыпский мост по Хаджибеевской дороге и далее пять километров пешком вдоль Хаджибеевского лимана много раз проделывал каждый из нас. Но в городе еще были немцы, а боестолкновение с ними могло сорвать задание.

Тогда Лида вызвалась, точнее, напросилась показать им окружной путь через Слободку и Усатово. Почему Лида, восемнадцатилетняя девочка, младшая в семье? Во-первых, старшие никогда не пробовали садиться на лошадь, а она посещала спортивную секцию при ипподроме и была неплохой наездницей. Во-вторых, надо было знать мою тетю: отчаянная и своевольная, она жаждала приключений. И они отвечали ей взаимностью, т.е. всегда с ней происходили. После войны она сменила лошадь на «железного коня». Стала чемпионкой и рекордсменкой Союза и Украины по мотокроссу и шоссейным мотогонкам. Одесситы старшего поколения, наверное, помнят такой аттракцион: в Городском саду на Дерибасовской стоял шар из толстой проволоки. Внутри него мотоциклисты выполняли разные рискованные трюки. С ними наравне работала единственная на весь Союз женщина, как и мужчины выполнявшая мертвую петлю. Конечно, читатель догадался, это была именно она – моя тетя Лида.

Короче, не слушая увещеваний родни и не принимая возражений разведчиков, Лида оделась, вскочила в седло и растворилась с отрядом в ночи. Вернулась она на следующий день в сопровождении разведчика. Он забрал лошадь и поскакал обратно. Лида на расспросы не отвечала. Сказала только, что туда добрались нормально, а на обратном пути их обстреляли. Но обошлось. Видно было, что Лида «не в себе». А вечером, не выдержав, рассказала о том, что было в Нерубайском. Отступающие фашисты согнали в церковь и расстреляли в ней местных жителей: женщин, детей и стариков. Пожилой разведчик не пустил ее в церковь, сказав: «Деточка, тебе не стоит туда идти!» Но видно разговоров об этой трагедии было достаточно, чтобы повергнуть тетю в шоковое состояние. Говорили, что фашисты соорудили из трупов пирамиду и на ее вершину посадили мертвого священника.

Я не знаю, какое задание было у разведчиков, выполнили они его или опоздали, но история на этом не оканчивается...

Одесса бурно праздновала свое освобождение. Утром 11 апреля, когда взрослые еще отсыпались после праздничных гуляний в честь освобождения города, я увидела, что к нам во двор въезжают одна за другой две крытые немецкие машины «студебекеры». За рулем первой из них

я увидела немца, страшно перепугалась и с криком «Немцы, немцы!» бросилась в дом. Я не ошиблась. Водителями обеих машин были немцы, но пленные. Это стало понятно, когда за машинами во двор въехал конный отряд бойцов, среди которых были и знакомые разведчики. Именно они указали подходящее для отдыха и людей, и лошадей место. Места около дома действительно было много, вокруг огорода. А машины (боевые трофеи) были доверху загружены различными продуктами. Часть из них досталась и нам, и соседям. Бойцы где-то раздобыли и привезли огромный чугунный котел, разложили вокруг него во дворе костер и нагрели воду. В летней кухне затопили плиту и устроили баню с парикмахерской. Вымытый, побритый и подстриженный «дяденька-командир» разведчиков оказался совсем молодым парнем, как и подавляющее большинство бойцов в отряде. Чистые и накормленные они отсыпались. Спали на кроватях, на составленных вместе стульях, на полу и у нас в комнатах, и у соседей. Женщины в это время стирали. Весь двор был увешан военной формой и бельем. А мы – трое дворовых детишек вертелись около машин. Кто-то из нас заметил, что в щелях между досками кузова застряли кусочки сахара, нечаянно кем-то рассыпанные. Тогда, вытащив соломинки из конской кормушки, мы из-

влекали ими эти кусочки из щелей и ели. Лучше вкуса того пропыленного дорогами войны сахара я не припомню. Сахар-рафинад всегда у меня ассоциируется с освобождением Одессы.

Еще запомнился такой эпизод. На крыльце стоит шеренга сапог, а пленные шоферы – молодые ребята их чистят. Потом вижу их плачущими и из разговоров взрослых понимаю, что они просят командира оставить их в отряде денщиками. Но это было невозможно. Пленных надлежало сдать на пункт сбора. Им собирают еду, дают одеяла и другие необходимые вещи, прощаются, ободряюще похлопывая по плечу, и под конвоем двух бойцов уводят.

Засобирался в путь и отряд. Вечером накрыли у нас в большой комнате стол. Стол был большой, размерами как теннисный, да еще выдвигались «крылья» с двух сторон. Места хватило всем. Дед произнес изобретенный им и всегда провозглашавшийся первым тост «За всеобщее здоровье», имея в виду всех, кто сидел за столом. Позже, когда я подросла, попыталась у деда в шутку выяснить, имеет тост планетарный характер, или он распространяется на всю Вселенную. Но дед шутку не понял, сказал, что здоровье нужно всем. За всю свою жизнь кроме как от деда, я ни от кого такого тоста не слышала. Думаю, тост понравился, и все дружно выпили полагавшиеся

каждому 100 граммов. Командир отряда поблагодарил всех за этот вечер, который они провели в семейном кругу. А Андрей на прощанье попросил наш адрес. Сказал: «После войны напишу, узнаю, выполнила Лида свое обещание назвать сына моим именем или забыла».

Проснувшись утром, я увидела опустевший двор. Как вещественное доказательство того, что все это мне не приснилось, остался котел. Его поставили под водосток для сбора дождевой воды. И в летнее время котел служил на радость нам, детворе, мини-бассейном еще долгое время.

К сожалению, у этой истории печальный конец. Прошел почти год. И вдруг приходит письмо: «Разбирая бумаги командира, нашли Ваш адрес. Сообщаем, что наш командир капитан Андрей Шманенко погиб смертью храбрых». Все были очень расстроены этим известием. Лида взяла семена цветка, который у нас назывался «ночной красавицей», и отослала их полевой почтой разведчикам с просьбой посадить семена на могиле Андрея. А рядом с адресом приписала: «Уважаемая цензура, открывайте аккуратно. Внутри семена цветов». Прочитав такое письмо, цензура семена пропустила. В самом конце войны мы снова получили письмо. Разведчики писали: «К сожалению, Вашу просьбу исполнить не смогли. Мы уже далеко от места, где погиб наш коман-

дир. Но мы посадили семена на могилах наших недавно погибших товарищей».

Лида свое обещание выполнила. Ее сына зовут Андрей.

Неожиданное продолжение эта история получила уже в наши дни. Я познакомилась с Аллой Васильевной Замковой. В процессе общения выяснилось, что ее отец Василий Яковлевич Мишин принимал активное участие в освобождении Одессы. Он в 1939 году окончил Военно-ветеринарную академию в Москве, служил на Дальнем Востоке, воевал на Карельском фронте, а в 1943 году был прикомандирован к конно-механизированной группе генерала И.А.Плиева. Молниеносное наступление Красной Армии, а именно рейд этой группы в рамках Одесской операции третьего Украинского фронта по освобождению Одессы, предотвратил планировавшееся немцами уничтожение города. В.Я.Мишин командовал в группе И.А.Плиева конницей, в том числе теми разведчиками, которым моя тетя Лида помогла скрытно попасть в Нерубайское. Если бы Василий Яковлевич был жив, он много интересного смог бы рассказать о наших знакомых разведчиках. А так мы с Аллой Васильевной можем только предполагать, что это он со своими бойцами отдыхал в нашем доме после успешной военной операции. После войны Василий Яковлевич был

откомандирован в Одессу и служил в Одесском военном округе. Вышел на пенсию в чине подполковника и до самой смерти в 1996 году жил в нашем городе.

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Наши наступали и бомбили железнодорожные узлы, чтобы помешать отступлению неприятеля. Разнесся слух, что на станции Одесса-Товарная разбомбили немецкие товарные вагоны с продуктами. Жители Ближних и Дальних мельниц, дачи Дашкевича и Курсак, несмотря на бомбежки, разбирали эти продукты по домам. Ранним утром 10 апреля собрались на «продовольственное» совещание и жильцы нашего дома. Предприятие выглядело очень опасным, но мой дед глубокомысленно заметил: «Наши» по своим не бьют!» Это решило дело. Дед, соседи дядя Миша и дядя Федя отправились на станцию. Волноваться долго не пришлось. Вскоре они вернулись с ящиками, маркированными немецкими знаками. Когда вскрыли первый из них, увидели уложенные ровными рядами емкости в виде плотно запаянных цилиндров, напоминающих, как решили наши мужчины, снаряды. Все были не только разочарованы, но и сильно напуганы, а вдруг взорвется! Немецкого

языка, чтобы прочитать маркировку, никто не знал. Стали решать, что делать с добычей. Выбросить в дворовый туалет? Он был очень глубокий. Думали, что это безопасно. Но остаться без туалета после взрыва, если вдруг он произойдет, плохо. Отнести закопать в Водяной балке, что недалеко от дома, так могут пострадать люди, если случайно раскопают. Ждать «наших» и отдать им – это показалось всем лучшим вариантом. Ящики прикрыли брезентом и оставили во дворе. Тем временем проснулись мы, я и соседский мальчик Жора, и нашли ящики. Бабушка строго-настрого приказала к ним не приближаться. Лучше бы она этого не говорила, потому что заглянуть и увидеть, что там лежит, стало для нас навязчивой идеей. Улучив момент, когда во дворе никого не было, открыли ящик, увидели, как нам показалось, игрушки, схватили по одной и убежали со двора. «Цацки» скоро стали для нас неинтересными и что делать с ними мы не знали. Жора со всей силы бросил неинтересную игрушку о стенку сарая. Цилиндр сплющился, из него выдавилась белая масса и оставила след на стенке сарая. Я тоже бросила игрушку о стенку, но разбить ее мне не удалось. Тем временем об опасной находке стало известно и другим соседям. Позвали соседа с Дачи Дашкевича, деда Адама, поляка по наци-

ональности. Кстати, его жену звали Ева. Соседи часто по-доброму потешались над их жилищем, называя его «Адамов рай», хотя оно больше напоминало низкий сарайчик с крохотным окошком. Дед Адам был инвалид (без ноги) первой мировой войны, воевал с немцами и якобы знал немецкий язык. Однако и он не смог сказать, что в ящиках. Все снова склонялись к тому, что это какие-то боеприпасы и лучше их не трогать. Но тут Жора вставил свои «пять копеек». Мол, посмотрите под сараем, что из цилиндра вытекло! Короче, хотя ранее никто никогда не видел такого, но разобрались, что это тубики с плавленым сыром. И сначала тихо, а потом все громче и громче двор наполнился смехом. Смеялись друг над другом и все вместе над самими собою. Подходили новые зрители и слушатели истории о том, как испугались плавленых сырков, как хотели выбросить их в туалет или зарыть в землю. Поскольку всем было весело, мы с Жорой избежали наказания. Нас только слегка пожурили.

Поэтому день освобождения Одессы мне запомнился как самый веселый день, когда смеются все. В этом смехе, очевидно, были облегчение и радость, что окончились страхи за своих детей и близких, которые все пережили в оккупации. Смех во дворе слышался весь день, действительно создавая праздничную атмосферу...

Больше у нас во дворе никогда так не смеялись. Вскоре начала работать почта, и мама получила похоронку на отца. Получили похоронки и наши соседки. Поэтому во дворе еще долго уже после освобождения Одессы был слышен плач. Но все равно, день 10 апреля запомнился мне как самый радостный и веселый за всю мою предыдущую жизнь длиною в шесть лет.

ВОЗДУШНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Прошло совсем немного времени после освобождения Одессы. Однажды утром над домом сделал круг «кукурузник», а затем пошел на посадку и сел на огороде недалеко от дома, между Большой и Малой горками. Сбежались все дети с Дальних Мельниц и Дачи Дашкевича. Летчики походили, осмотрелись, сели в самолет и улетели. А на следующий день на огороде приземлилось звено кукурузников. Один экипаж, командир и штурман поселились у нас. Причем, «поселились» следует понимать как то, что по законам военного времени нас уплотнили. Это, как и ранее конные, тоже были разведчики, только воздушные. Не знаю, какие задания выполняли остальные экипажи, но наши постояльцы больше были задействованы в перевозке почты на передовую и доставке разных секретных паке-

тов. Оба они были боевыми офицерами, летали на истребителях, но после ранения были комиссованы, и «пересели на кукурузник». Работа у них была далеко не безопасной. Помню, как Миша (командир) рассказывал, что где-то на передовой их атаковали два «мессера». Принимать бой верная гибель. А у них срочный пакет. Убежать скорость не позволяет. Тогда Миша бросил самолет резко вниз, прижался к земле, летел, почти задевая верхушки деревьев. А мессеры на такой высоте не летают, поэтому достать его не могли. Так им удалось обмануть неприятеля. Насколько правдив этот рассказ – не знаю.

Миша вообще вопреки своему маленькому росту (около 1м 60см) был самым заметным среди летчиков звена. Он был большой выдумщик и мастер всевозможных розыгрышей, далеко не безобидных. Иногда на него сильно обижались, но потом все прощали. А вот Лида его, видно, так и не простила. Он ухаживал за Лидой, причем говорил о свадьбе после войны, как о деле решенном. Бабушку называл не иначе, как мамой. Лида только посмеивалась, ничего не обещая. Но его небезразличное отношение к себе решила использовать в корыстных целях. Ей страшно захотелось полетать, первый раз в жизни. Я уже говорила, она всегда искала приключений на свою голову. Именно на свою голову и нашла.

Уставший от бесконечных вариаций на тему: «вот если покатаешь, то...», Миша сдался. Был назначен день и час. Конечно, о планируемом полете узнала вся округа. Сбежались зрители. Уселись на Большой горке. Лида села в самолет, завели мотор. Пропеллер стал крутиться и прекрасные вьющиеся, цвета соломы волосы Лиды встали дыбом. Пропеллер крутился все быстрее и быстрее, запутывая волосы все больше. Потом самолет покатился по огородному полю, сделал на нем круг и остановился. «Полет окончен!», – сказал Миша. Зрители покатились со смеху. Это было очень жестоко. Но Лида сама была виновата. За несанкционированный полет в военное время и не так далеко от передовой Мише грозил бы, по меньшей мере, штрафбат. Она должна была это понимать.

Вечером моя мама, пытаясь расчесать сбившиеся в паклю волосы Лиды, выстригала большие участки на голове, а Лида плакала и от жалости к волосам, и к себе самой. Конечно, Миша не ожидал, что все так обернется.

Вскоре вслед за линией фронта на запад передвинулись и летчики. Огород опустел, но еще некоторое время, летая по заданию в Одессу, Миша всегда делал круг над нашим домом и покачивал нам крыльями кукурузника. После войны он заехал свататься к Лиде. Уже в чине майора. «Как

я могу выйти за него замуж! Он ведь ниже меня ростом», – говорила Лида, оправдывая свой отказ такому завидному жениху.

МОРСКАЯ АВИАЦИЯ

После воздушных разведчиков нам подселили морских летчиков. Правда, их самолеты стояли не на огороде, а недалеко на аэродроме (сейчас аэропорт) и летали они не на кукурузниках. Квартировал у нас командир эскадрильи Иван Иванович со своим вторым пилотом Леней. По сравнению с летным составом эскадрильи Иван Иванович был уже не молод, всегда вежлив, выдержан и спокоен. По его непроницаемому лицу трудно было определить, в каком он настроении. Со временем, правда, его настроение мы определяли по пластинкам, которые он слушал по вечерам. У нас был старинный граммофон и большой ящик пластинок к нему. Пластинки были дореволюционные: русская и украинская классика, романсы, марши и народные песни. Многие из них и сейчас в хорошем состоянии и хотя граммофон давно сломался, но патефон их отлично воспроизводит. У Ивана Ивановича были любимые мелодии. Если день не задался, то вечер начинался с грустных романсов «Вернись» или «Когда б вы поняли меня» в исполнении известного в свое

время тенора, «артиста Императорского Мариинского Театра Большакова Н.А», как это указано на пластинке. Если же вылет был удачным, то многократно ставился марш «Веселый кузнец» в исполнении «оркестра Лейб-Гвардии Гренадерского полка императора Франца Иосифа в Берлине». В этой записи марша со второго проигрыша музыка сопровождалась свистом. Так Иван Иванович начинал с удовольствием насвистывать уже с первых тактов марша, как будто говоря: «Как мы вас (фашистов) бьем под вашу же музыку!». Благодаря Ивану Ивановичу у нас сложилась традиция отмечать день освобождения Одессы, который обитатели нашего дома считали большим праздником, под этот марш. При праздновании одной из годовщин наш сосед дядя Миша возмутился, что такой родной одесский праздник отмечается под вражескую музыку. На что мой дед глубокомысленно заметил, что не все немцы – фашисты. На самом деле ни Иван Иванович, ни дед, ни дядя Миша не знали, что это марш австро-венгерского композитора чеха по происхождению Юлиуса Фучика, дяди известного журналиста Юлиуса Фучика («Репортаж с петлей на шее»), казненного фашистами в 1943 году. Никакого отношения эта музыка к фашистам не имела. Однако на пластинке имя композитора и год записи не указаны.

Но вернемся к морской авиации. Очень часто по вечерам у нас в доме на «разборе полетов» бывал почти весь летный состав эскадрильи: кого-то ожидали с задания, о ком-то беспокоились. Каждый был личностью, но расскажу об одном. Его все звали «Саша-Булочка» из-за полных щек. Это был совсем молодой парень, видно только после летного училища. Он у нас не квартировал, но проводил все свободное время, тянулся к бабушке, помогал ей по хозяйству. Бабушка очень скучала по своему сыну Сергею, которого проводила на фронт вскоре после освобождения Одессы. Поэтому всегда с радостью встречала парня. Он стал почти членом нашей семьи.

У моряков была своя мода. Они старались штанины брюк растянуть в «клеши». Для этого из фанеры выпиливали специальный шаблон, мокрая штанина натягивалась на него и, высыхая, оставалась более широкой. Саша был первым «стилягой» в эскадрильи. Шаблона ему показалось мало. Он упросил мою маму вшить ему в нижнюю часть штанин, почти от колен, клинья. Получились широченные «клеши», но покрасовался он в них совсем недолго. Как-то на аэродроме он наткнулся на «большого начальника», который тут же заставил его вшитые клинья выпороть. Так с голыми от колен ногами он прибежал к маме с просьбой застрочить штанины по-старому.

Приближалось 7 ноября, годовщина Октябрьской революции, и бабушка к празднику попросила Сашу зарезать петуха. Петух уже давно был кандидатом на холодец. Он был очень агрессивен, не любил «чужих», так и норовил клюнуть, причем исподтишка. Подходил как-то боком, всем своим видом показывая, что его интересует исключительно нечто на земле у тебя под ногами. А потом подпрыгивал и старался дотянуться до «голой» руки или ноги, чтобы клюнуть больнее. Одним словом, более подлой птицы я никогда не встречала и очень его боялась, да и у Саши были с ним свои счеты. Наверное, поэтому он согласился по просьбе бабушки зарезать петуха, хотя, как потом оказалось, никогда этого не делал раньше. Саша позвал на помощь Леню. Вдвоем они выловили петуха в курятнике. Один взялся держать, а другой резать шею. Играя во дворе, я вдруг услышала не только петушиные крики, но и человеческие. Обернувшись, увидела, что по двору бегают петух, а Саша с Леной убегают от него. Сначала ничего странного я не заметила, но потом поняла, что петух бегают без головы. Она болталась, свешиваясь с шеи, а из шеи во все стороны летели брызги крови, от которых и убегали Саша с Леной. Потом петух рухнул. Над Сашей и Леной смеялась вся эскадрилья. Непосвященным опи-

сывали, как два «героя» бегали от безголового петуха. Рассказы обрастали вымышленными смешными подробностями. Но шутки были беззлобными и «герои» смеялись вместе со всеми. В итоге бабушке, маме и Лиде пришлось отстирывать их форму от крови и вымывать пятна крови во дворе.

Куда летали и кого топили морские летчики – военная тайна. Но вот если кто-то не возвращался на базу, мы знали. В таких случаях я видела, как у нас за столом собирались хмурые летчики, разливали водку и около свободного стула ставили рюмку, накрытую кусочком хлеба. Но по-настоящему значение этого ритуала я осознала только, когда около стула Саши увидела рюмку, накрытую хлебом, и заплаканная бабушка сказала, что Саша никогда больше к нам не придет.

ГОСПИТАЛЬ

К концу войны нам подселили пару: Миша-врач, Галя-медсестра. Оба откуда-то из российской глубинки. Когда Мишу призвали на фронт, Галя оставила школу, где работала учительницей, и поехала за ним. Работала санитаркой, выносила раненых с поля боя, была сама очень тяжело ранена. Миша выходил ее в своем поле-

вом госпитале, но одна нога у нее стала короче и она заметно прихрамывала. К тому времени, как они у нас поселились, Галя была уже медсестрой, и оба они работали в тыловом госпитале, развернутом в школе №110 на Дальних Мельницах. Своих детей у них еще не было. Оба они очень меня любили, баловали. Галя занималась со мной, готовя к школе, учила читать, писать, разучивала детские стишки и песни. Галя дружила также с мамой и Лидой. Много рассказывала о своих подопечных, которых не только выхаживала, но и старалась поддерживать морально. Ведь в этом госпитале лежали, в основном, тяжелораненые, инвалиды без рук или ног. Вскоре всех ее больных мы уже знали по именам. Не помню, чья это была идея, но все решили провести ее раненых. К Пасхе зарезали первого послевоенного кабанчика («при руменах» держать хозяйство было бессмысленно, т.к. все отбирали), а вскоре и майские праздники подоспели. На 1 мая 1945 года бабушка, мама и Лида сварили ведро мясного борща, ведро плова и ведро компота из сухофруктов и все это понесли в госпиталь. Пока старшие разносили праздничный обед, Галя водила меня по палатам, где я «выступала» перед ранеными с полным репертуаром стихов и песен, которым она меня научила.

Никто у нас даже не догадывался, что Галя очень больна, так она умела скрывать свои страдания. Однажды ночью я услышала стоны из комнаты Гали и пошла к ней. На пороге комнаты я споткнулась о ее голову. Она упала и не могла подняться. Я разбудила маму, и мы помогли ей. Она просила лишь об одном: «Не говорите Мишеньке» (он был на ночном дежурстве). Через некоторое время госпиталь перевели куда-то вглубь страны, так как школу нужно было подготовить к 1 сентября. Потом из разговоров взрослых я поняла, что Галя умерла. Миша писал, что она до последнего дня работала и умерла на ночном дежурстве, как он написал, «на боевом посту». Из всех воспоминаний о войне для меня это самое щемящее.

В память о Гале остались детские стишки. Самое интересное, что никогда позже ни в какой детской литературе мне не попадалось ничего похожего. Скорее, это были ее собственные сочинения, то ли для довоенных учеников, то ли для своих будущих детей, а, может быть, для меня. Эти стишки я разучивала и с сыном, и с внуком. Но не уверена, помнят ли они их. А в моей памяти они остались навсегда. И в память о мужественной женщине хочу подарить мамам и бабушкам для их детей и внуков один из ее стишков – незамысловатую историю о Мышонке.

*Раз Мышонок у буфета на полу нашел конфету.
Он с конфетой рядом сел и конфету сразу съел.
Но была, как видно, эта злополучная конфета
Для Мышонка велика. Разнесло ему бока.
Вот пора в нору вернуться, а в норе не повернуться,
Ни туда и ни сюда. Просто сущая беда.
Люди спят в своей квартире. Нужно норку сделать шире,
Чтоб успеть, хотя б к утру, снова спрятаться в нору.
И глодая пол невкусный, размышлял Мышонок грустно:
«Никогда до сей поры не видал такой норы.
Только вышел скушать ужин, глядь, а норка стала уже.
Эдак, только допусти — норка может зарасти».*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После войны еще долгие годы наш дом как магнитом притягивал тех, кто бывал в нем во время войны. Но постепенно связи ослабевали. В 1962 году умерла бабушка, а вскоре снесли дом и нашу семью переселили на Черемушки. Но пока была жива моя тетя Лида мы каждый год приходили на место нашего снесенного дома, так что следили за преобразованиями на нашей родной земле – бывшей Даче Брахмана.

А произошло вот что. Участок пустыря, который примыкает к улице Желябова, отвели

под гараж, большую же часть земли отдали под угольный склад. Железнодорожные ветки восстановили и построили на оставшейся территории какие-то производственные помещения. Но тут грянула перестройка, а затем распад Союза и на этом месте образовалась страшная развалка.

Долгие годы ничего не менялось, а потом начали строить дорогу. Недавно я решила познакомить сына и внуку с моей малой родиной. Сейчас на месте засыпанной Водяной балки проходит современная дорога, соединившая Молдаванку с Ближними Мельницами (см. карту). Но развалка и антисанитария вдоль этого участка дороги никуда не делись. Там, где была Большая горка сейчас просто свалка мусора, между Большой и Малой горками тоже горы мусора, а на месте нашего дома остались развалины, скрытые под бурьяном за нашими спинами (см. фото). С другой стороны к дороге примыкает оставшаяся часть домов Дачи Дашкевича (половину снесли при строительстве дороги), как и ранее с туалетами во дворах. Сейчас меня волнует лишь один вопрос, доживу ли я до того времени, когда родина моего детства станет полноценным районом моей любимой Одессы. Лично я считаю, что нужно вдоль новой дороги высадить деревья и обустроить парковую зону.

НО И ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ...

Когда этот материал был уже в печати, произошло резонансное для всей Одессы событие. Около моего дома № 9 по улице Сегедской в ночь с 26 на 27 декабря 2014 года прогремел взрыв.

Дом «На семи ветрах», в котором я жила во время войны, устоял под ужасными бомбежками во время захвата немцами Одессы и при ее освобождении. А вот сейчас в «мирное время» мой дом разгромлен. Когда удалось справиться с замком в перекошенной взрывом входной двери и попасть в квартиру, я просто испытала шок. В квартире, не считая выбитых окон и двери на балкон, разбилось все стеклянное: снесена люстра, выбиты стекла в горке, стекло из кухни в ванную комнату, стекла двери из коридора в комнату. На кухне сорваны все полочки и разбита столовая и чайная посуда, вырвана раздвижная пластмассовая дверь.

Ступить некуда. Вся квартира засыпана битым стеклом, и не только пол. Осколки на столе, на кровати, на трюмо, на шкафу – везде. Когда же удалось приоткрыть дверь в ванную, и, сдвинув подпиравшую ее упавшую полку войти туда, я обомлела от увиденного. Навесная полка с ванными принадлежностями, падая, сорвала смеситель душа, разбила мойку и крышку бачка уни-

таза. Стеклом от выбитого окна и местами обвалившейся облицовочной плиткой поцарапана эмаль ванной и стиральная машина. Поврежден бойлер. Из него капала вода. Но какое «везение»! Капала в бачок унитаза, а не на пол ванной.

От возможных плохих последствий для моего здоровья спасло то, что я вспомнила частушку: «Не закрыл специально Федя в ванной оба краника, чтоб напомнить всем соседям о судьбе «Титаника». Подумала: «Ну, хоть в чем-то повезло моим не менее пострадавшим соседям снизу» И где-то в глубине души улыбнулась, сняв стресс благодаря частушке.

Вернувшись в комнату, уже более спокойно окинула взглядом всю эту картину, которую к тому же дополнял снегопад. В эту ночь после теплой весенней погоды резко похолодало, и началась метель. Ветром снега намело в квартиру через выбитые окна, как будто природа хотела скрыть от моих глаз этот ужасающий разгром.

Вот такой подарок я получила к Новому 2015 году!..

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ИСТОРИЯ ДОМА	4
БОМБЕЖКИ	8
ОДЕССКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ.....	10
В ОККУПАЦИИ	14
ЗА ДВА ДНЯ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОДЕССЫ И ПОСЛЕ.....	20
ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ	28
ВОЗДУШНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ	31
МОРСКАЯ АВИАЦИЯ	34
ГОСПИТАЛЬ	38
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	41
НО И ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ... ..	45

Галина Леонидовна Де-Рибас

На семи ветрах...

Отпечатано в типографии «ВМВ».

т. (0482)522-203, (048)751-15-80, 751-14-87
65069, Украина, г.Одесса, пр-т Добровольского, 82А,
www.vmv.odessa.ua